

Гайд-парк был самым большим участком зелени, который Гарри когда-либо видел за пределами Запретного леса. Когда они вышли из автобуса, Гермиона осторожно подвела его к скамейке неподалеку и сделала пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Гарри начал немного нервничать, просто наблюдая, как она начинает ерзать, но в тот момент, когда он решил вмешаться, она повернулась к нему с решительным лицом и взяла обе его руки в свои.

«Итак, вот в чем дело. Гарри, я знаю, что ты не любишь говорить о них, но я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы знать, что твоя жизнь у Дурслей была, э-э, далеко не идеальной». Когда Гарри замер на этом заявлении, Гермиона отпустила одну из его рук и деликатно заставила его замолчать пальцем. «Тебе не обязательно говорить о них. Я, конечно, не завидую тебе за то, что ты оставил бедную домашнюю ситуацию, если ты в состоянии, и этим летом ты выглядел счастливее, чем я когда-либо видел тебя. вещи, которые, я думаю, должен испытать в своей жизни каждый ребенок, и я точно знаю, что ваши родственники не позволили вам испытать ни одну из них».

Гермиона встала и повела Гарри на дорожку. Несколько мгновений они шли молча, пока девушка пыталась облечь свои мысли в слова, а Гарри все еще был напряжен из-за того, что его лучший друг выяснял, что происходит в Суррее.

«Когда я начала планировать на сегодня, — призналась она, тяжело выдохнув, — я пыталась найти хорошие фильмы или спектакли, отличное шоу или хороший ресторан. И все это было бы хорошо, но это было бы вещи, которые вы будете делать всю жизнь после того, как мы покинем Хогвартс. Я хотел убедиться, что вы должны делать то, что вы никогда не делали раньше, и что вы заслуживаете испытать».

«Итак, утром я научу тебя кататься на велосипеде».

"Что?" — в замешательстве спросил Гарри, оглядываясь в поисках велосипеда, на котором они могли бы покататься.

— Здесь через дорогу есть пункт проката, — с ухмылкой сказала Гермиона, понимая, почему Гарри так сбит с толку. Затем выражение ее лица стало торжественным, и они остановились, чтобы она поговорила с ним. «Гарри, мой папа научил меня кататься на велосипеде, и это одно из лучших воспоминаний о моих детских годах. Однажды, когда у тебя будут дети, я хочу, чтобы ты смог их научить. знаю, что метла намного быстрее и что камин позволяет мгновенно перемещаться, но это не главное. Каждый ребенок должен научиться кататься на велосипеде, а вам не довелось быть ребенком. Итак, я собираюсь потратить пару часов на то, чтобы научить вас, а потом займемся другими делами».

— Гермиона... — эмоционально прошептал Гарри. Это было не то, чего он ожидал от нее. В прежние времена она могла контролировать, хотя и с опаской. Он даже не думал о том, чтобы делать то, что Дурсли запрещали ему делать в детстве, но теперь он представил, как учит одного из своих детей кататься на велосипеде, и эта мысль наполнила его радостью. Он подозрительно фыркнул, а затем заговорил тихим голосом. «Мы должны делать что-то для нас обоих, а не только для меня».

— Гарри, мне тоже будет весело, — сказала она с милой улыбкой, которая превратилась в лукавую. «Мы можем что-то сделать для меня, когда в следующий раз пойдем куда-нибудь вместе».

— Хорошо, — уступил Гарри с нервной улыбкой. Гермиона просияла, счастливая, что получила второе свидание так рано.

Когда они наконец добрались до пункта проката, Гермиона заплатила за велосипед за два часа, и они спокойно пошли к одной из велодорожек, беззаботно разговаривая и смеясь над шутками. Первоначальная реакция Гарри, увидев, что Гермиона так красиво одета, постепенно улетучилась, когда он привык к ней, и Гермиона была рада, что Гарри принял ее идею после небольшого колебания. Они провели вместе весь день, и хотя езда на велосипеде была не очень романтической, она держала пари, что это заставит его запомнить это свидание навсегда.

Следующие два часа прошли для Гарри на удивление весело. Он продолжал падать, но ни разу не ушибся, и кроме нескольких пятен от травы на одежде и смущения от неудачи, не было никакого вреда. Однажды он чуть не упал на Серпантине, когда потерял контроль над байком, но вовремя сумел взять себя в руки. Более того, каждый раз, когда он падал странным образом, с которым мог справиться только Гарри Поттер, Гермиона радостно смеялась позади него и помогала ему подняться. Некоторое время он беспокоился, что Гермионе будет скучно просто сопровождать его, но ее лицо было красным от смеха, а глаза ярко сияли к концу смеха.

Со своей стороны, Гермиона наслаждалась собой. Наблюдать за тем, как Гарри нелепо неоднократно падает, не причинив себе вреда, было забавно, хотя бы из-за того, как широко раскрытыми глазами и испуганно он оглядывался каждый раз, когда падал. Более того, она оставалась рядом с ним и продолжала касаться его спины или помогать ему балансировать, и она была рада, что Гарри не напрягся под ее прикосновением, как раньше. Каждый раз, когда Гермиона смеялась, в его глазах отражалась мягкость, от которой ей хотелось визжать от счастья. Хотя это может быть нетрадиционно для свидания, Гермиона наслаждалась собой. Она немного отвлеклась, думая о том, как Гарри научит их детей делать то же самое в будущем.

Конечно, по прошествии двух часов Гарри все еще не мог нормально ездить на велосипеде. Рефлексы ловца и правильный баланс на метле не сделали его сверхчеловеком, но он уже не падал через пару метров. Более того, этого упражнения было достаточно, чтобы сломать остальные его нервы, и в парке он чувствовал себя как дома. Гермиона не могла скрыть своей ухмылки, увидев, каким счастливым выглядел Гарри, когда они наконец вернули велосипед.

"Что теперь?" Гарри спросил с широкой улыбкой, чтобы Гермиона вернулась.

Одной рукой заправив волосы за ухо, она поймала его руку и повела их двоих за дерево. Гарри последовал за ним в легком замешательстве и небольшом опасении, но Гермиона просто спряталась за дерево и принялась возиться со своей сумочкой.

«Я заколдовала его, чтобы он был бездонным между уроками», — призналась она, слегка покраснев от его гугления.

«Разве чары расширения не похожи на магию уровня пост-NEWT?» — недоверчиво спросил Гарри.

«Ну, да. Вместительный экстремис было немного сложно получить. Мне удавалось хранить только небольшие предметы», — ответила Гермиона, краснея, когда он посмотрел на нее с изумлением, прежде чем смущенно ухмыльнуться. «Думаю, теперь мы связаны чарами после ТРИТОНа».

— Только ты, Гермиона, — рассмеялся Гарри, качая головой.

Она пожала плечами, но ухмыльнулась. Она протянула Гарри корзину, свернула одеяла себе под мышку, схватила его свободную руку и повела к Змеиному озеру. Когда они добрались до берега, Гермиона схватила одеяла и положила их на травинку под тенью большого дерева. Гарри сел на одно из одеял и оперся спиной на его ствол, а Гермиона положила корзину для пикника поверх обоих одеял, чтобы их не унесло ветром.

Она начала брать продукты из корзины и ровно раскладывать их на одеялах. Гарри был поражен разнообразием вокруг него. — Гермиона, что это? Он запнулся, глядя на еду. Он был красочным и деликатно представлен таким образом, которого он раньше не видел. В Хогвартсе еды было много, но она была очень британской, жирной и тяжелой, если не считать салатов, которые почти всегда ела Гермиона.

«О, верно», она моргнула, понимая, что Гарри не знает многих вещей, которые она принесла. «Мой папа любит арабскую кухню с тех пор, как он уехал с бабушкой и дедушкой в Ливан, поэтому у нас есть баба-гануш и хумус с лавашом, а также фаршированные виноградные листья — вы называете их долма. Затем у нас есть несколько сэндвичей с огурцом, несколько шашлыков Капрезе . , и пару батончиков домашней мюсли. Еще я приготовила розовый лимонад. А на десерт у нас есть клубника и пирожные».

— Подожди, ты все это сделал ? — спросил Гарри, жадно глядя на еду, а затем снова на своего друга. Он готовил почти каждый день у Дурслей, но их диета редко менялась, и хотя он не возражал против работы по дому так сильно, как другие, он не мог претендовать на какой-либо опыт в этом деле.

Гермиона мило покраснела, но ответила. «Мои родители мне очень помогали. Они оба стоматологи, и я провел большую часть своего детства до Хогвартса, помогая им готовить. Они настаивают на здоровом питании, поэтому я иногда готовил с ними, когда рос, для развлечения».

— Это так здорово, — сказал Гарри с яркой улыбкой, сорвав один из фаршированных виноградных листьев и оживленно съев его. «И это тоже вкусно! Я никогда раньше не ел арабской еды».

«Мне это очень нравится», — сказала она с легкой ухмылкой, намазывая немного хумуса на лаваш и изящно съедая его. Гарри посмотрел на ее ярко-красные губы, прежде чем замаскировать взгляд, съев батончик мюсли. «Я не часто готовлю, но приготовление пищи с моими родителями всегда делает меня очень счастливым».

«Правда? Ты никогда особо не говорил со мной о моих родителях в Хогвартсе», — с любопытством спросил Гарри.

«Я подумала, что это было немного бестактно, учитывая, знаете ли», — закончила она немного слабо, но Гарри ободряюще улыбнулся ей. После этого она рассказала в своих традиционно длинных рывках, не дыша, о своей семье — о том, как Дэниел и Эмма Грейнджер познакомились в стоматологической школе и сблизилась общей любовью к театру, искусству, литературе и кино. Как у них была целая комната, полная книг с красивыми стульями, чтобы они могли вместе читать по воскресеньям, и как у них был винил, из-за которого ее родители всегда спорили — Дэниел любил Эрика Клэптона и Pink Floyd, Эмма предпочитала The Smiths и The Cure. О том, как у Гермионы был короткий период, когда она отказывалась читать романы и читала только научные книги для детей или книги, полные пустяков. Как ее любимой игрушкой до Хогвартса была пластиковая доска Солнечной системы с кнопками на каждой планете, которую ты нажимал,

Гарри особенно позабавило то, как Гермиона описала реакцию своих родителей на визит МакГонагалл и рассказ о магии. Гарри был удивлен тем, как быстро исчезли их скептицизм и сомнения, когда она превратилась в кошку и наколдовала несколько цветов, а затем начала засыпать ее вопросами о том, существуют ли вещи, которые они видели в научно-фантастических романах. Он не мог не сравнить восторженную поддержку ее родителей и то, как они настаивали на чтении учебников с Гермионой, чтобы поддерживать связь с дочерью, когда она переживала этот важный период в своей жизни, и панические побеги Дурслей из писем из Хогвартса.

Гарри ощутил укол ревности, но безжалостно подавил его, увидев, как Гермиона выглядела счастливой, говоря о своих родителях. Он чувствовал себя немного неловко из-за того, что никогда не спрашивал о них раньше; было ясно, что она была частью любящей семьи, и он не мог винить ее за любовь к ним.

Когда тема, наконец, утихла, когда Гарри вмешался со странным вопросом, а Гермиона ушла в странное касание, заставившее его посмотреть на нее с нежной досадой, они съели почти все. Гермиона аккуратно завернула остатки еды и положила их в сумку. Затем она взяла две маленькие книги и легла перед ним.

«Зимняя сказка и как важно быть серьезным?» — спросил Гарри, переворачивая книги, чтобы прочитать названия.

— Да, — сказала она с легкой улыбкой. «Мы говорили о маггловской литературе в конце семестра в Хогвартсе, поэтому я выбрала две книги, которые понравились всем моим родителям и мне. Джейн Остин, видимо, не очень подходит», — она сморщила нос, бормоча о том, как ее родители отвергли ее решение по этому вопросу. «В любом случае, чтение в парке

— одна из вещей, которые я любил делать в детстве, поэтому я подумал, что было бы неплохо сделать это какое-то время».

«Я читал «Как важно быть серьезным », но никогда не слышал о «Зимней сказке », — признался Гарри, с любопытством глядя на упомянутую книгу. «Вне школы я думаю, что никогда не читал Шекспира».

— О? Это моя любимая пьеса Шекспира, — сказала Гермиона с возбужденным блеском в глазах, прежде чем робко улыбнуться Гарри. «Но я немного предвзята по этому поводу».

"Почему?"

— Ну, — она смущенно кашлянула и отвела взгляд, прежде чем пробормотать что-то неразборчивое.

"Что это было?" — спросил Гарри с веселой ухмылкой, наклоняясь вперед, прежде чем задать напевный голос. «Я не расслышал тебя».

— Хорошо, — возразила она, но без особого пыла в голосе. «Меня называли в честь одного из персонажей».

«О, теперь я должен прочитать это», — усмехнулся он, схватив книгу, откровенно рассмеявшись, когда она попыталась остановить его, летя в его направлении, когда он держал ее подальше от ее рук.

— Не дразни меня, — заныла она, стараясь не рассмеяться сама, но не желая сообщать об этом Гарри.

— Мне нужно больше узнать об этой женщине-Гермионе, в честь которой тебя называли, прямо сейчас, — ответил он с нахальной ухмылкой. «Как я могу быть твоим лучшим другом и не цитировать тебе ее фразы каждый день?»

«Как будто вы найдете контекст», — усмехнулась она, внутренне довольная этой мыслью.

— Это вызов, Гермиона Джейн Грейнджер?

— Вызов подразумевает, что у тебя есть шанс, Гарри Джеймс Поттер, — надменно сказала она, вызываяще уперев руки в бока.

— Хорошо, — он озорно улыбнулся, прежде чем схватить одну из ее рук и повернуть все ее тело одним быстрым движением. Гермиона вскрикнула от неожиданности и попыталась сохранить равновесие. Когда она поняла, что произошло, Гарри крепко прижал ее к своему телу, его

левая рука обвилась вокруг ее живота, чтобы держать книгу, а правая рука схватила книгу с другой стороны. — А теперь давай узнаем о тебе побольше, хорошо?

В этот момент Гермиона почти ни на что не обращала внимания. Гарри не был разорван или что-то в этом роде, но его хватка была намного крепче, чем можно было предположить по его стройному телу. И она была потрясена тем, насколько твердым ощущался его торс на ее мягком теле. Было так тепло, и Гермиона чувствовала себя в такой позе в безопасности. Она чувствовала, как ее тело хочет слиться с ним, насладиться его запахом и нежно погладить ее волосы, пока он убаюкивает ее. Почти единственным чувством в ее теле, которое Гермиона осознавала в этот момент, был яростный румянец на ее лице. Прежде чем она успела прийти в себя, Гарри задал ей вопрос.

— Значит, вы названы в честь королевы Сицилии? — спросил он с нескрываемым весельем. Увидев, как она покраснела, он только усмехнулся. — Не нужно смущаться, Гермиона, я думаю, тебе это идет.

Когда он сказал это замечание, Гермиона почувствовала, как у нее слегка задрожали ноги. Зная, что у нее нет шансов скрыть свое удовольствие, пока он может видеть ее лицо, она повернулась в его объятиях и положила голову ему на грудь под углом, так что он мог видеть только ее волосы.

— Так удобнее? — мягко спросил он. Гермиона только кивнула, все еще не доверяя своему голосу.

Они так и остались, прочитав пару актов, где Гарри спрашивал определения слов всякий раз, когда спотыкался о слово. Всякий раз, когда Гермиона — королева Сицилии — появлялась в рассказе, он читал ее отрывки о самом благородном приближении к Гермионе — Грейнджер — какое только мог собрать, и ведьма хлопала его по груди в кротком протесте. «И абсолютно ни по какой другой причине», — добавила она мысленно, даже когда ее рука задержалась дольше, чем нужно.

«Книга интересная, но ее трудно понять», — заявил Гарри, закрывая книгу через некоторое время.

— Ну, шекспировскому английскому полтысячи лет, — со знанием дела ответила Гермиона. «Раньше я читал ее вместе с родителями и спрашивал их всякий раз, когда замечал что-то, чего не понимал».

— Ты что-то не понимаешь? Гарри резко выдохнул. "Богохульство!"

«Прат», она закатила глаза, но не смогла сдержать довольной ухмылки.

Когда они встали, Гермиона схватила Гарри за руку, которую он принял без возражений. Они вышли из парка с ее улыбкой, которую нельзя было убрать хирургическим путем с ее лица.

«Куда теперь, Моя Королева?» — нахально спросил Гарри. Гермиона слегка покраснела, и ее глаза расфокусировались при мысли о том, что ее назвали так без сарказма, прежде чем Гарри вывел ее из этого состояния мягким локтем. — Гермиона?

— Так-прости, — нервно пробормотала она, ее румянец потемнел от смущения. Она откашлялась и посмотрела вдаль. «Ну, Королевский Альберт-холл близко, но в этот час там ничего не играет. Ты когда-нибудь был в торговом центре? Я хотел показать тебе Букингемский дворец». Когда Гарри покачал головой, Гермиона потащила его в сторону еще одного парка, который они медленно пересекли, наслаждаясь мирной тишиной.

Сам дворец был полон туристов, которые общались с королевской гвардией или просто сидели вокруг мемориала Виктории. Гарри какое-то время любовался фасадом Букингемского дворца, прежде чем Гермиона продолжила свой путь, пока они не оказались лицом к лицу со зданием, имитирующим классический древнегреческий храм, под названием Галерея Королевы.

Многие выставленные картины относились к тому же периоду времени, что и те, что он видел с Дафной за несколько дней до этого, но опыт был совершенно другим. Во-первых, картины редко были тематически религиозными и больше были посвящены историческим личностям или повседневной жизни. Его любимыми были те, которые показывали банальные ситуации, такие как «Интерьер таверны с карточными игроками и скрипачом» и «Женщина за туалетом» Яна Стена или «Бакалейная лавка». Геррит Дуо. Судя по всему, Гарри очень нравились голландские художники Золотой эры. Более того, Гермиона воспринимала музеи совершенно иначе, чем слизеринцы; она оживленно шептала о том, что она знает о каждой картине или знает ли она историческую фигуру, о которой идет речь, в противоположность почти божественному благоговению, с которым блондинка восхищалась искусством. К ее чести, Гермиона не перешла в свой стандартный лекционный режим, а попыталась обсудить вещи с Гарри и указать на свои любимые фрагменты произведений. Любовь Дэниела и Эммы к искусству явно передалась их дочери.

После того, как они ушли, они молча прошли по торговому центру, наслаждаясь окончанием дня. Гарри думал о том, как бы он мог наслаждаться такими днями, как сегодня, если бы вырос в лучшей среде, и чувствовал глубокую обиду на Дамблдора. Центральный Лондон был таким величественным, излучая престиж и власть безмолвным, но внушительным образом, что казалось, что он принадлежит ближе к другой вселенной, чем к Тисовой улице.

Когда они достигли Трафальгарской площади, Гарри не смог сдержать нежной улыбки, вспоминая свой визит туда с Дафной. Его авантюра с Гринграссом была намного короче, чем день, который он провел с Гермионой, но в своем роде это тоже было весело.

Гермиона упомянула, что они заказали столик в ресторане на Лестер-сквер, чтобы закончить день перед тем, как он вернется в «Дырявый котел», а она — в метро. Место выглядело немного высококлассным, и Гарри начал немного ерзать, пока они ждали в очереди. Он никогда раньше не ел в дорогом ресторане, и хотя Дафна научила его чистокровным традициям во время еды, в данном случае они были бесполезны. Тем не менее, он последовал за Гермионой. Хозяйку, казалось, смутно позабавило, что заказ был сделан для Гермионы Грейнджер, а не для Гарри Поттера, но Гермиона была слишком взволнована, чтобы это заметить.

«Я всегда хотела поесть здесь», — призналась она, когда они сели.

— Красивое место, — ответил Гарри, несколько нервно оглядываясь по сторонам. Они сидели снаружи на втором этаже в небольшой пристройке к главному ресторану, лицом друг к другу. Гарри мог немного вытянуть шею, чтобы рассмотреть растения на парапете и взглянуть на людей, идущих под ними на Лестер-сквер. Гермиона использовала любую возможность, чтобы посмотреть на Гарри — в конце концов, если они смотрели друг на друга, для нее было естественно смотреть вперед.

Один официант дал им пару меню, и Гермионе пришлось прикусить язык, чтобы не рассмеяться от паники, расцветающей на лице Гарри, когда он читал и ничего не понимал. Не было много блюд; это было комплексное меню с различными вариантами для каждого курса, но, честно говоря, варианты были немного пугающими в своем описании.

— Не волнуйся, Гарри, — успокоила она его, решив сжалиться над юношей. «Я тоже не знаю, что такое многие из этих вещей».

— Это так очевидно? — спросил он с самоуничижительным смешком.

«Ну, сегодня все о том, чтобы подарить вам новые впечатления», — ответила она с безмятежной улыбкой и мерцающими глазами. «Попробуй то, что звучит лучше всего».

Оба блюда были восхитительны — Гарри делился с Гермионой кусочком любого блюда, которое он заказывал, когда никто не смотрел, заставляя ведьму слегка, но благодарно краснеть. Гарри было странно питаться в таком высококлассном ресторане, но здесь было спокойно, даже несмотря на бушующий хаос внизу, когда Лестер-сквер начала заполняться людьми, покидавшими свои рабочие места и выходявшими на отдых. Разговор между укусами был приятным и забавным, а балкон был достаточно уединенным, чтобы они могли осторожно начать рассказывать о своих ожиданиях в Хогвартсе и о том, как они рады снова увидеть первокурсников и их друзей.

Когда они ушли, Гермиона немного огляделась, прежде чем порыться в сумочке, чтобы достать маленькую черную камеру Nikon. Она осторожно остановила пожилую женщину на площади и указала на Гарри, давая ей инструкции, как им управлять.

Когда Гермиона подошла к Гарри, она широко улыбнулась. «Вы же не думали, что у меня не будет пары наших фотографий, не так ли?»

Гарри тихо рассмеялся и покачал головой, но больше ничего не сказал. Гермиона схватила его за руку и обняла, прижав к Гарри, пока женщина делала пару снимков. Когда Гермиона отпустила его, и он подумал, что фотосъемка окончена, юная ведьма приподнялась на цыпочках и очень долго целовала его в щеку, в уголок рта. Пожилая женщина издала небольшой визг и сделала еще пару снимков, смеясь над ошеломленным выражением лица Гарри. Гермиона побежала благодарить пожилую женщину. Что-то, что женщина сказала девушке, заставило Гермиону радостно рассмеяться и покраснеть, но это был короткий

разговор.

Гермиона была очень довольна собой. Гарри все еще не вернулся в обычный мир, когда его подруга слегка потянула его за руку.

«Мне нужно идти на станцию Лестер-сквер, чтобы сесть на линию Пикадилли. Она находится на пути к «Дырявой», так что идите прямо, пока не доберетесь туда, хорошо?» Она сказала мягким голосом, который каким-то образом достиг его ушей посреди хаоса оживленной площади. Гарри просто кивнул, и они оба петляли вокруг группы людей, пока не оказались на Чаринг-Кросс-роуд.

Когда они подошли к станции, Гермиона снова повернулась к Гарри и схватила его за обе руки. Она посмотрела на него с лучезарной улыбкой и сказала. «Это было очень весело, Гарри. Мы должны сделать это снова как-нибудь в другой день».

— Я бы с удовольствием, Гермиона, — сказал Гарри, удивив сам себя честностью заявления. Как и на импровизированном свидании с Дафной, этот день никогда не был неловким, и Гермиона хорошо разбиралась во многих вещах, когда не могла говорить о магии.

"Здорово!" — воскликнула она, когда ее улыбка стала еще шире, заставив и его подсознательно улыбнуться. Когда он это сделал, она нагло взглянула на его губы, и ее глаза потемнели от глубокого волнения, и действие было настолько очевидным, что даже Гарри не мог его не заметить. Когда она наклонилась вперед, он мог поклясться, что Гермиона собирается поцеловать его, и он не был уверен, хотел ли он этого. Часть его была в восторге от этой идеи, но другая часть была в полном ужасе. Вместо этого она крепко обняла его и прошептала ему на ухо, отчего у него по спине побежали мурашки. — В следующий раз ты планируешь для меня хороший день, договорились?

— Договорились, — твердо сказал Гарри, оценив ситуацию. Гермиона ненадолго сжала объятия и, не оборачиваясь, направилась прямо к станции.

«Ну, по крайней мере, я знаю, что теперь я нравлюсь Гермионе», — подумал он, подходя к «Дырявому котлу», прокручивая в памяти воспоминание о последней минуте. «Что, черт возьми, мне делать с этой информацией? »

Следующий день с самого начала был для Гарри более напряженным. Мысленно он проверял список вещей, которые он должен был сделать, чтобы следовать протоколу с Лебедем Гринграссом в доме этого человека. Несмотря на то, что он уже тщательно обдумывал свои уроки с Дафной для этого точного сценария, его нервировало то, что в данный момент у него не было ее поддержки. Один саркастический комментарий сделал бы его день, но Серена была слишком милым фамильяром, чтобы сделать это, когда он был так расстроен и пытался его успокоить.

Через некоторое время неудачи она отползла от мальчика и встала возле двери комнаты.

— Хозяин, — прошипел бумсланг, заставив Гарри остановиться на полпути в его нервном шагании. « У тебя еще есть часы до встречи. Почему бы тебе не разрядить энергетическую тренировку? »

Гарри обдумал слова Серены и молча кивнул. У него было четыре часа, чтобы убить до встречи, и он собирался потратить час, чтобы искупаться и переодеться перед встречей с Дафной в Дырявом котле, откуда оба отправятся в поместье Гринграсс.

Они молча прошли в тренировочную комнату после того, как Гарри схватил свой кинжал. Глядя на волшебные манекены, Гарри глубоко вздохнул и принял позу вращения, а Серена обвила его шею и поделилась с ним своей магией.

Кастинг на парселтанге был не только более мощным; магический язык усиливал любую связь между волшебником и фамильяром, и их магия чувствовалась более комфортно рядом с другим. Гарри чувствовал себя точнее, когда направлял магию Серены в свою собственную. Его движения стали быстрее, а заклинания точнее. Ему казалось, что природный инстинкт хищника бумсланга усилил его агрессивность. Он забрасывал случайным образом, но не вникал в более глубокие части книги. Он не осмеливался пробовать новые проклятия без присмотра Дафны, но все, что он пробовал раньше, было честной игрой.

Движением, которое он особенно полюбил, было перерезание ленты — Ласеро — по руке с палочкой, затем Флагелло Гласиус по ногам, прежде чем он повалил манекен на землю и пронзил его шею кинжалом.

Откатываясь назад, накладывая щит, чтобы автоматически заблокировать его открытую сторону, он атаковал следующий манекен с помощью Locomotor Mortis , прежде чем использовать Expelliarmus и последний Depulso. Поначалу он чувствовал себя немного глупо, смешивая Ножной замок с более серьезными заклинаниями, но затем отрывок из книги Руквуда о том, сколько злых проклятий было адаптацией медицинских чар, заставил его задуматься. В конце концов, по словам Флитвика, простая магия, используемая творчески, превосходит сложную магию, верно?

Третий манекен, он наложил сглаз, переворачивающий колено, прежде чем одолеть Экпульсо у его ног, с мрачным весельем наблюдая, как они отделяются от тела. Токен Stupefy был похож на милосердие.

Что касается четвертого манекена, он решил испытать версию заклинания кнута, которое он видел в книге Руквуда, но еще не пробовал. Шипя Flagello Cultello , он зачарованно наблюдал, как лезвия шириной в дюйм соприкасаются с рукой палочки. Он даже представить себе не мог, сколько крови из этого выльется одновременно, но было бы чертовски больно. На мгновение уставившись на видимые повреждения, он повторил свой подвиг с Кубка мира и разрезал хлыст, приклеив его к полу с помощью Прилипающего заклинания и придавив манекен, прежде чем изгнать его так сильно, как только мог. Если бы это был настоящий бой, это было бы ужасно наглядно: тело отделилось от поврежденной руки и отлетело обратно в стену, оставив лишь поврежденную руку, удерживаемую хлыстом.

Для последнего манекена он выступил вперед, прежде чем разыграть быструю комбинацию Агуаменти и Глациуса . Его магия подсказывала ему использовать Flagrante , как он делал это на чемпионате мира, но он сдержался, помня, что не рекомендуется делать это в помещении. Вместо этого он прошипел приказ Серене.

Было что-то смутно садистское в том, чтобы приказать Серене нанести удар и использовать фальшивое движение палочки для ложного маневра, прежде чем наложить щит и ждать, пока бумсланг укусит, что она и сделала с поразительной скоростью. Тот факт, что Гарри будет шипеть змее, что будет звучать неотличимо от любого другого кастинга, был огромным преимуществом.

К тому времени, когда он победил пятого манекена, первый манекен уже стоял рядом с ним, уже волшебным образом выздоровев. Злобно рыча, Гарри вытащил кинжал и глубоко вонзил его ему в спину. Он слегка задышал от напряжения, прежде чем изучить ущерб, который он нанес последними комбинациями.

Гарри еще не мог произнести ни одного из более серьезных смертоносных заклинаний. Однажды он наложил заклинание «Вскипание крови», которое исчезло на полпути к цели. Упреки, которые Дафна дала ему после этого, о том, что он рискует собой, применяя темную магию, с которой он не может справиться, не покидали его разум. С тех пор Гарри еще не использовал ничего темнее Ласеро . Тем не менее, он чувствовал, как его магия жаждет чего-то более разрушительного всякий раз, когда он использовал любую смертоносную последовательность заклинаний, только для шипящего напоминания от Серены, чтобы вернуть его в нормальное состояние. В более серьезных случаях появление Зубцов и ограничение себя Жалящими глазами для стрельбы по мишеням успокаивало его.

Эти наклонности изрядно беспокоили его, и растущая привязанность к власти казалась тревожной. Путь к более порочным формам магии казался ему очевидным в предстоящие годы, и небольшая часть его мозга ворчала на него за то, что он потерял себя в процессе.

В такие моменты на ум приходят его разговоры с Салазаром. Основатель, вероятно, посмеялся бы над идеей, что идея использования темной магии была соблазнительной по своей сути, и посоветовал бы ему сопротивляться искушению. Разговор Гарри с Биллом также занимал почетное место в его размышлениях об этой вновь обретенной жажде большей власти. Мысли о смерти заставили его слегка поежиться, но его внимание было приковано к другой фигуре в этом странном сне — красной женщине. Какой она была? Она не казалась человеком, но за ней скрывалось скрытое присутствие. Гарри казалось, что он разрешит свои нынешние опасения по поводу изменения своей личности и убеждений только тогда, когда поймет связь между ним и этой женщиной.

Быстро применив Темпус , он тяжело вздохнул и вернулся в свою комнату. Время освежиться.

Дафна Гринграсс сидела на Дырявом котле лицом к двери с натянутым видом надменного неудобства. Внутренне она очень беспокоилась о предстоящей встрече и о том впечатлении, которое Гарри должен будет произвести на ее отца. Встреча с лордом Визенгамота всегда была испытанием для подростка; сделать это без предварительного контакта в качестве недавно

получившего образование волшебника, воспитанного маглами в их семейном поместье, было еще одним уровнем сложности.

Она осторожно отхлебнула гиллиуотер и бросила еще один Темпус . Теперь оставалось пятнадцать минут. Время, когда прибытие было бы слишком ранним (поддающимся интерпретации, что вам больше нечего делать), прошло. У Гарри не было станции, чтобы модно опаздывать, так что им придется прибыть в промежутке между сегодняшним днем и запланированным временем. Она знала, что ее мать будет ждать их прибытия на другой стороне камина. Астория должна была быть частью приветственного комитета, но она была нездорова.

Она уныло вздохнула, думая о своей младшей сестре. Лебедь только что получил письмо по этому поводу, и, судя по выражению его лица, какую бы корреспонденцию он ни читал, это были не самые приятные новости. Тем не менее надежда была. Должна была быть надежда.

Сопrotивляясь желанию потереть себе лоб в отчаянии, потому что это было бы неуместно сейчас, когда она ждала ожидаемого гостя в пределах приемлемого периода, она глотнула последний глоток липкой воды. Ей не нужно было беспокоиться об оплате, так что это будет быстрый захват и бросок, когда Гарри прибудет.

Двери открылись, и Дафна подняла взгляд со своего места. Потребовалась секунда, прежде чем она узнала стоявшего там мужчину; когда она это сделала, она сухо сглотнула и почувствовала, как ее глаза расширились, прежде чем она смогла контролировать свое выражение. Гарри выглядел гораздо более внушительным, чем Дафна когда-либо видела его, и казался намного старше, чем он был. Мысли о его речи о его кинжале вернулись в ее разум, и она почувствовала, как все ее тело нагрелось, когда она элегантно встала.

Гарри был одет в белую классическую рубашку, явно сшитую для волшебного мира. Вместо пуговиц, которые были бы на обычной классической рубашке для любого неформального случая, ее скрепляли маленькие золотые гиппогрифы, напоминание о наследственной связи семьи Поттеров с Основателем Гриффиндора. Штаны были темно-красными — ближе к более темному оттенку бордового — резкое отрицание склонности Темной фракции к традиционному черному или фиолетовому и пристрастия Света к белому или любой другой одежде другого цвета. Туфли были из блестящей черной драконьей кожи, и каждый шаг создавал внушительное эхо. Как и требовалось, он носил пару черных перчаток.

Однако, несомненно, лучшей частью наряда было пальто. Смесь мантии и пальто, Гарри носил его расстегнутым, перевязанным вокруг талии красным поясом, перекинутым через него. Материалом была змеиная кожа, и если бы она не знала лучше, она бы догадалась, что это кожа василиска, которого он убил. Он был настолько темным, что граничил с черным. Дафна могла отличить его от последнего только потому, что внутренняя часть пальто была полностью черной, а снаружи была небольшая разница. Она струилась прямо над его коленями гладким изогнутым разрезом, из-за которого он выглядел так, словно парил, а не шел. На его бедре, видимый из-под распахнутого пальто, висел кинжал, которым она так восхищалась раньше.

« Мерлин, Салазар и Агриппа, Поттер выглядит горячо», — быстро подумала Дафна. Ей хотелось радостно посмеяться над тем, как быстро изменился мальчик, которого она встретила, покупая котлы. « Этот человек станет полтора лорда, когда закончит учебу. И если он так выглядит, он не будет ничьим» .

— Наследница Гринграсс, — твердо сказал Гарри, глядя ей в глаза, прежде чем слегка поклониться, не глядя вниз. Как наследник ненаследственной семьи, он должен был сделать первый жест уважения, прежде чем получить какое-либо признание от наследницы наследственной семьи. Дафна ощутила трепет победы от гладкости лука и слегка присела в ответ.

— Наследник Поттер, — любезно сказала она, позволяя ему закончить лук. Когда он это сделал, она ухмыльнулась. — Ты определенно хорошо помылся, не так ли?

— Это твой способ сделать мне комплимент, Дафна? — спросил он с нахальной ухмылкой.

— Ну, я просто думаю, что это пустая трата времени, Поттер, — сказала она, сделав шаг вперед и слегка прикоснувшись одной рукой к его груди, прежде чем прошептать дымчатым тоном. — Если бы я знал, что ты прячешь все это где-то в своих громоздких одеждах, я бы познакомился с тобой гораздо раньше.

Гарри не ответил, разве что слегка покраснел и приподнял бровь. Не то чтобы он не удостоил комментарий ответом, но он не был уверен, что останется достойным в своем ответе. Его горло сжалось так сильно, что он практически чувствовал, как его голос хрипит. Гарри чувствовал сильное физическое влечение к Дафне, и она была прекрасно одета, в длинное струящееся темно-зеленое платье на бретельках с длинными рукавами, которые открывали ее плечи и красиво контрастировали с ее светлыми волосами. Голубое ожерелье с маленьким голубым камнем висело на ее шее, подчеркивая ее глаза. Гринграсс была одной из тех объективно красивых людей, но ее одежда и поза привлекали внимание всего бара, заставляя Гарри странно злиться.

После минуты молчаливого взгляда, в течение которой она еще не убрала руку с его груди, что мешало сосредоточиться, он ответил хриплым шепотом. "Ты выглядишь прекрасно."

Отсутствие какого-либо саркастического ответа, или, может быть, тон его голоса, или, может быть, радость от комплимента — ведь кто бы мог подумать, с Дафной — заставили ведьму хихикнуть. Наконец она отошла и протянула ему руку, давая ему знак предложить свою руку. Он так и сделал, и она слегка поддержала его на сгибе локтя. Они подошли к камину, где она взяла горсть порошка и четко произнесла: «Помесье Гринграсс».

Само путешествие не было катастрофой для Гарри, главным образом потому, что он был настолько сосредоточен на том, чтобы не опозориться, что почти не чувствовал этого. Когда он вышел из «Дырявого котла» и вышел на каминную стойку поместья Гринграсс, он потрясенно моргнул и подумал, не в этом ли залог гладкого путешествия.

Он знал, что не должен любоваться домом другой семьи без разрешения, поэтому не сводил глаз с высокой ведьмы перед ним, стоящей в зеленом кресле перед камином. Он заметил взглядом, что младшей сестры Дафны здесь нет, и снова посмотрел на лицо женщины.

Элеонора Гринграсс была очень похожа на Дафну, но была выше ростом и с чуть более темными волосами, оттеняющими карамельный блонд. Ее глаза были темно-кариими, а не льдисто-голубыми, как у ее дочери, но поза и лицо были такими же, как у Дафны. Лебедю Гринграссу, несомненно, повезло.

— Леди Гринграсс, — сказал он с пышным поклоном. На этот раз он посмотрел на ее ноги и поддержал свое туловище правой рукой, обхватив грудь.

— Наследник Поттер, — разрешила она, лишь склонив голову — не реверанс для Наследницы как Леди — и слегка улыбнулась ему.

«Я благодарю вас за ваше гостеприимство и показываю, что не терплю от вас зла», — сказал он, снимая перчатки и протягивая ей свою палочку. Она осмотрела все предметы, пока он терпеливо ждал, сложив руки на груди для видимости, и отдала их обратно. «Я благодарю вас за ваше великодушие, позволившее мне пройти через ваш дом».

— А кинжал? — спросила леди Гринграсс, подняв бровь. Гарри кратко отметил, насколько этот жест был похож на жест ее дочери, в то время как девушка напряглась в его руке, мысленно ругая себя за то, что забыла проинструктировать его о кинжале.

— Клык — это запатентованное оружие Гринготтса, и миледи не может снять его с меня, — сказал Гарри с отблеском стали в голосе, не настолько, чтобы прозвучать неуважительно, но достаточно, чтобы Дафна недоверчиво посмотрела на него. Они долго смотрели друг на друга, прежде чем женщина начала музыкально смеяться, пряча руку в перчатке.

«Знаешь, ты напоминаешь мне старого Джеймса». — радостно сказала она теплым тоном, заставив Гарри улыбнуться ей.

"Мама!" Дафна наполовину взвизгнула от возмущения. "Обряды!"

— О, успокойся, Дафна, — вздохнула ее мать. — Я не ваш отец, юная леди, и вы это знаете.

— Тем не менее, есть протоколы посещения, пока отец не примет все время, — резко прошептала Дафна. В этот момент Гарри с силой сжал губы и отвел взгляд от Дафны. Безмолвное трясение его плеч подсказало ей, и она хлопнула его по руке свободной рукой, строго нахмурившись. — А ты ведешь себя.

Это взбесило и Гарри, и ее мать, хотя первый сдержался, чтобы издать низкий смешок, в то время как леди Гринграсс начала беспрестанно хихикать. Дафна решила взглянуть на мать и

крепко ущипнула Гарри за руку, заставив его немного вскрикнуть от неожиданности и потереться от боли.

— Наследник Поттер, я приветствую вас в нашем доме и желаю вам удачи в ваших начинаниях, пока вы не уедете, — произнесла леди Гринграсс после того, как пришла в себя. «Теперь, когда приветственный обряд с моей стороны завершен, вы не возражаете, если я отведу свою дочь в сторону на минутку? Не стесняйтесь бродить по комнате, если вам это нравится».

Дафна отпустила руку Гарри и с обеспокоенным видом последовала за матерью в угол, пока мальчик осматривал приемную.

— Что случилось, мама? — спросила она испуганным голосом, думая, что с Асторией что-то пошло не так.

— Не волнуйся, милый, ничего страшного, — ласково ответила мать. "Ты должен отдохнуть."

«Почему я должен расслабляться, если ты даже не совершаешь должным образом Ритуалы?» — снова резко прошептала Дафна.

«Дафна, ты не могла солгать мне с тех пор, как сняла подгузники», — строго сказала женщина, указывая пальцем, заставляя Дафну понять, что теперь она разговаривает со своей серьезной мамой, а не с дипломатической леди. дома. — Мы оба знаем, что ты напряжен не поэтому.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду, — отрывисто ответила Дафна.

«Вы хотите, чтобы я объяснила это вам? Потому что я это сделаю», — угрожала пожилая женщина, прищулив глаза и твердо взглянув.

— Хорошо, — нахмурилась дочь. — Это он, понятно? Теперь счастлив?

"Безумно так!" Она громко праздновала с сияющей улыбкой, заставив Гарри повернуться в их сторону.

"Мама!" Дафна тихо заскулила. — Не смущай меня, если знаешь.

«Я ни в малейшей степени не смущаю вас, Дафна Офелия Гринграсс, и не смей начинать со мной», — ясно произнесла она, но легкая улыбка показала, что она не раздражена. После этого она ухмыльнулась дочери, которая сразу же заставила Дафну бояться до конца дня. — Хочешь, чтобы я тебя смутил? Должен сказать, доченька, ты очень мудро выбирала себе мужчину. Бьюсь об заклад, он был бы в восторге, увидев ранние детские фотографии. Может быть, в библиотеке, с семейными портретами? как твоя прабабушка любит детские картинки».

«Ладно, ладно, я расслаблюсь, только без фото», — быстро сказала Дафна, показывая руками в знак стратегического отступления.

— Приятно знать, — ухмыльнулась пожилая женщина, прежде чем продолжить. «Наследник Поттер, мы отправимся на собрание? После этого я представлю вас всему поместью».

Гарри кивнул и предложил свою руку Дафне, которая приняла ее с легкой улыбкой. Они быстро шли за леди Гринграсс. Гарри, у которого не было разрешения любоваться Поместьем от его Леди до окончания встречи, смотрел вперед, следя за тропинкой впереди. Они прошли по длинному коридору, прежде чем повернуть налево и подняться на этаж выше. Прямо перед лестницей был большой дубовый коридор с двойными дверями. Леди Гринграсс приоткрыла одну из дверей и призвала лорда поместья принять своих гостей.

Эта часть приветственного обряда происходила только между лордом и леди поместья, чтобы подтвердить предстоящую встречу. В случае нежданного гостя лорд выслушивал мнение своей госпожи о достоинствах гостя. Поскольку это была заранее оговоренная встреча, это была простая формальность. Однако спустя почти десять минут ни один из них не пошевелился, чтобы принять их появление, и это заметно напрягало Дафну.

Когда Гарри уже собирался успокоить своего друга, из комнаты вышла ее мать, бледная и дрожащая. Она не закрыла дверь и тут же крепко обняла дочь, и, не обращая внимания на то, что Гарри стоит тут же, сбивчиво прошептала полным эмоций голосом.

«Помни, Даф», это прозвище заставило Гарри моргнуть от удивления, но это было совсем не то, что шок, прошедший через тело Дафны. Это было детское прозвище, которое она не слышала от своей семьи уже много лет. «Что ты можешь просто быть собой. Ты не должна быть Наследницей Гринграсс все время».

Сказав это, она просто спустилась по лестнице, схватив белый носовой платок у домового эльфа, чтобы протереть глаза.

"Что это было?" — неуверенно спросил Гарри.

— Не знаю, Гарри, но я немного волнуюсь, — слабо призналась Дафна. Ее мать была одним из самых сильных людей, которых она знала, и заставить ее сломаться... Ее мысли немедленно обратились к Астории.

Прежде чем она успела начать паниковать, она почувствовала, как сильные руки обнимают ее. Когда она моргнула, она поняла, что Гарри крепко обнимает ее. Игнорируя приятное чувство, охватившее ее тело, ее чувство приличия начало предупреждать ее.

— Поттер, что ты делаешь? Она опасно зашипела, только для того, чтобы Гарри крепче сжал ее. — Поттер, прекрати. Он этого не сделал. Вместо этого он начал очень легко гладить ее по волосам.

Затаив довольный вздох, она попыталась оттолкнуть его, но руки у нее дрожали, и она не могла сбросить его с такого короткого расстояния. «Это неправильно», — сказала она, шокировав себя тем, как хрипло прозвучал ее голос. Гарри лишь нежно погладил ее по спине, другой рукой спокойно играя с прядью ее волос. — Поттер, пожалуйста.

— Все будет хорошо, Дафна, — сказал он ей на ухо. Услышав это, ее решимость наконец сломилась, и она уткнулась ему в плечо. — Ты беспокоишься об Астории, не так ли?

Дафна только кивнула, крепко обнимая Гарри, чтобы скрыть, как она начинает плакать при мысли о том, как плохо ее сестра должна чувствовать себя из-за того, что ее мать вот так сломалась. Это было единственное объяснение, которое она могла придумать в данный момент. Предупреждение ее матери также было достаточно мрачным, чтобы у нее закружилась голова. Гарри продолжал шептать ей на ухо заверения, и после каждого ей становилось немного спокойнее.

После этого она мягко отпустила его, и Гарри ослабил хватку. Дафна сделала шаг назад и посмотрела в его встревоженные изумрудно-зеленые глаза, молча оценивая его. Не думал о будущем лорде Поттере или волшебнике, в которого он вырастет, а только о мальчике. Она тонко улыбнулась и крепко сжала его руку.

— Ты удивительный мужчина, Гарри, — мягко признала она, любовно лаская его руку.

— Я просто я, Дафна.

«Ну, это достаточно хорошо, чтобы быть удивительным для меня», улыбнулась она, быстро чмокнув его в щеку, прежде чем отступить и щелкнуть пальцем по его лбу, прямо над его шрамом, с легкой ухмылкой. — Не позволяй этому ударить тебе в голову, Поттер.

«Не мечтаю об этом, Гринграсс», — ответил он с легкой ухмылкой. Вместе они снова приняли правильную позу и открыли дверь.

Лебедь Гринграсс был высоким мужчиной с суровым выражением лица, но, в отличие от ледяных глаз его дочери, его глаза были более доступными и чуть более темно-синими. У него вокруг глаз появились морщинки от улыбки, но в данный момент его поза была напряженной, и он схватил стакан огневиски с такой силой, что разбил его.

«Наследник Поттер, я понимаю важность Ритуалов Приветствия», — прервал он Гарри, делая шаг вперед, чтобы поклониться. «Но я только что получил жизненно важное письмо, касающееся моей старшей дочери. Я знаю, что было бы ужасно грубо с моей стороны попросить вас выйти из комнаты, когда она сопровождает вас, но вы бы ужасно обиделись, если бы я использовал чары конфиденциальности, чтобы поговорить с вами?» ей?"

Преодолев свое удивление по поводу внезапности заявления и схватив Дафну за руку в знак молчаливой поддержки, он слегка наклонил голову. — Нет, лорд Гринграсс.

Мужчина поблагодарил его кивком и помахал Дафне вокруг стола, прежде чем пробормотать что-то себе под нос и создать вокруг них прозрачный купол.

Он вручил ей письмо, и пока Дафна читала его, Гарри видел, как она становится все бледнее и бледнее. Под конец у нее не хватило сил даже удержать письмо, и оно упало на пол, и ее начало слегка трясти. Отец пытался ее успокоить, но даже сквозь чары уединения было видно, что мужчина в равной степени огорчен. По прошествии долгого времени, в течение которого Дафна даже не открывала рта, лишь беспрестанно глядя вдаль бледным лицом с совершенно онемевшим выражением и заметно дрожа, Лебедь вздохнул и отпустил очарование уединения. Гарри не стал спрашивать разрешения и сразу же поддержал Дафну. Она машинально последовала за ним и села на стул, который он ей предложил.

— Спасибо, наследник Поттер, — снова вздохнул мужчина, потирая виски и делая глоток огневиски. Когда он сел, то указал на стул рядом с Дафной. "Садитесь, пожалуйста."

Все еще глядя на бледное лицо Дафны и понимая, что в тот момент приличия действительно были нарушены, Гарри набрался гриффиндорской храбрости и посмотрел мужчине прямо в глаза. «Я извиняюсь за свои манеры, но я должен спросить, ваш младший в порядке?»

Лебедь рывкнул на Дафну, которая все еще смотрела в сторону и собиралась раскритиковать ее, когда Гарри прервал его кашлем. — Она ничего мне не сказала, лорд Гринграсс. Но я узнал Дафну и считаю ее близким другом, и единственное, что ее так расстраивает, — это Астория. Я подозреваю, что она нездорова, но я не больше ничего не спрашивал».

Мужчина глубоко оценил его, прежде чем сказать более твердым голосом, что усталый тот, которым он пользовался до сих пор. — Вы правильно подозреваете. Но Астория в порядке, спасибо, что спросили.

«Если Астория в порядке, то почему Дафна так потрясена?» — твердо спросил Гарри, не оценив отсутствие должного ответа.

— Боюсь, это семейное дело, мистер Поттер, — резко ответил Лебедь. Гарри не пропустил смену своего адреса, но остался непреклонен.

— Я понимаю твою сдержанность и готов дать магическую клятву хранить молчание по этому поводу, но я прошу посмотреть, смогу ли я помочь твоей семье, — Гарри помедлил, прежде чем посмотреть на Дафну, которая все еще смотрела сквозь пальцы. «Я занимаю уникальное положение в нашем обществе и могу получить ресурсы, которых вы, вероятно, не могли».

Мужчина снова строго посмотрел на него, прежде чем что-то нацарапать в записке и повернуть ее к Гарри.

Гарри прочитал его, кивнул сам себе и схватил палочку.

«Я, Гарри Джеймс Поттер, с этого момента не буду говорить о каких-либо вопросах, обсуждаемых в этой комнате, пока я не покину ее или пока Лебедь Лайонел Гринграсс не освободит меня от этой Клятвы никому, кроме семьи Гринграсс, без специального разрешения Лебеда Лайонела Гринграсса».

— Я очень сомневаюсь, что вы сможете мне помочь, наследник Поттер, — осторожно сказал мужчина. «Честно говоря, при любом другом сценарии вы могли бы предложить мне Нерушимую Клятву, свое семейное состояние и своего первенца, и я бы ничего вам не сказал, но после сегодняшнего дня я просто отчаянно пытаюсь что-нибудь попробовать».

Гарри молчал, понимая, что все, что он сейчас скажет, только разозлит мужчину.

— Дафна сказала мне, что инструктировала вас по вопросам нынешнего Визенгамота?

— Да, — подтвердил Гарри, кивнув.

«Хорошо. Дафна говорила с тобой о моей роли в этом теле? О том, почему значение Нейтральной фракции уменьшается?»

Снова кивок, на этот раз более осторожный.

«Я уверен, вы уже поняли, что именно состояние Астории делает мое положение таким слабым», — мужчина помедлил, прежде чем посмотреть на Дафну, у которой все еще были пустые глаза и отсутствующее выражение лица, прежде чем снова вздохнуть. «Это не секрет, что семья Гринграсс исторически подвергалась проклятию из-за проклятия крови, наложенного на нас много веков назад. Однако после многих поколений без проявлений мы надеялись, что проклятие исчерпало себя. "

— И он у Астории, — сказал Гарри слабым голосом, чувствуя себя в ужасе. Он и представить себе не мог, как волновалась Дафна за свою младшую сестру, думая, что над ее головой на всю жизнь висит проклятие.

— Действительно, — кивнул мужчина, мельком взглянув на свои колени. «В последнее десятилетие я пытался заключить сделки на получение медицинской помощи, технической помощи и знаний о проклятиях, но я так и не нашел ничего конкретного. Я знаю, что вы также находитесь в списке ограниченных услуг, но даже Гринготтс не смог. подумай о лекарстве от проклятия. Старые кровавые проклятия редкость для разрушителей проклятий, которые являются специальностью гоблинов, но я надеялся, что хорошая репутация и полная казна решат проблему. Кровавые проклятия были очень распространены среди старших семей. Однако я начал пытаться быть посредником между Нейтрами и остальной частью Визенгамота, чтобы получить определенные знания.

«В этом смысле мне удалось определить некоторые вещи с помощью моей жены. Недостаточно, чтобы вовремя изменить ситуацию для Астории».

Наступило долгое торжественное молчание, пока Гарри обдумывал слова мужчины. Лебедь, вероятно, был ответственен за большую часть распада Визенгамота, учитывая, что он был в лучшем положении, чтобы стать третьим путем между Малфоем и Дамблдором, но он этого не сделал. Тем не менее, мог ли Гарри завидовать этому человеку? Если бы у Гарри была дочь в похожей ситуации, разве он не проклял бы весь волшебный мир и не сделал бы что-нибудь, чтобы спасти ее? Поразителен тот факт, что Лебедь еще не капитулировал и сумел сохранить важную позицию, пусть и уменьшившуюся.

« Подожди. Я бы ничего не сделал ? — подумал Гарри, когда шестеренки в его голове закрутились. Когда он посмотрел на Дафну, что-то щелкнуло в его голове, и он почувствовал, как кровь отхлынула от его лица.

— Нет, — слабо прошептал он, не сводя глаз с лица друга.

— Боюсь, что да, — грустно ответил Лебедь.

"ВОЗ?" — срывающимся голосом спросил Гарри. Он не знал, был ли он больше возмущен, чем расстроен, но ситуация глубоко затронула его. Кто посмеет так откровенно просить Дафну? Кто относится к этому как к коммерческой сделке? Хуже всего то, что, судя по выражению Дафны, она сделает это в одно мгновение ради Астории и будет сильно ненавидеть всю оставшуюся жизнь.

Лебедь посмотрел на Дафну и тихо позвал ее по имени. Она повернулась в его сторону и после молчаливого разговора, во время которого она не потеряла ни единого дюйма своего отстраненного выражения, пожала плечами в знак согласия.

— Малфой, — признался мужчина после глубокого вдоха. Напротив, Гарри в ужасе осознал, как воздух вырвался из его легких. «Проблема в том, что кровавые проклятия наиболее типичны для старых Темных семей, и большинство семей либо не так уж стары, либо не так долго были Темными, либо их родовые фолианты были уничтожены в прошлом. Малфой — самый старый из активных Темных. семья в Англии, кроме Ноттов, с которыми я уже заключил сделки. Их библиотека была той, которая подошла мне ближе всего, но этого все же было недостаточно, чтобы определить проклятие ».

Гарри посмотрел на мужчину и сосчитал до десяти. Затем Гарри сосчитал до двадцати. Он пытался объяснить, что вот-вот совершит ошибку.

Он сосчитал до тридцати с закрытыми глазами. Он проклинал себя за свое идиотское спасение людей и неспособность разыгрывать события только в свою пользу.

Он сосчитал до пятидесяти. Гарри пытался думать, что он делает это отчасти потому, что это удержит Нейтралов от падения перед Малфоем, но большая часть его разума понимала, что еще слишком рано что-то предпринимать. Все же остальная часть его знала, что это было не из-за разума.

— Черт, — прорычал он про себя, прежде чем сделать глубокий вдох. «Вы оба собираетесь дать Клятву о том, что я собираюсь вам сказать, прежде чем я выйду из комнаты».

Лебедь выглядел недовольным тем, что Гарри так настойчиво требовал, в то время как это заявление вернуло немного жизни Дафне, которая смотрела на него в замешательстве.

— У меня есть доступ к библиотеке семьи Темнее, чем Малфой, — признался Гарри после того, как Лебедь кивнул. Брови мужчины удивленно взлетели на лоб.

— У Мальчика-Который-Выжил есть в распоряжении Темная библиотека? — недоверчиво спросил он, прежде чем нахмуриться. «Я знаю, что вы в ссоре с Дамблдором, и он, возможно, не позволил бы вам изучать какие-либо Темные книги, независимо от потенциальной выгоды. Итак, как вышло, что у вас есть доступ к этому?»

Гарри глубоко вздохнул, успокоил себя, что все в порядке — все в порядке — и поднял руку. Через секунду, поморщившись, он позволил кольцу наследника появиться на его руке.

Лебедь просто изумленно уставился на него, а Дафна контуженно уставилась на его палец.

"Ты Черный Наследник?!" Лорд Гринграсс вскрикнул. Гарри слабо кивнул с застенчивым выражением лица.

Дафна начала истерически смеяться. Она была вне себя, тряслась и плакала от громкого смеха, держалась за бока и изо всех сил старалась не упасть со стула. После почти минуты маниакального смеха, после которого ее лицо было красным и опухшим, а по щеке текли потоки слез, она просто посмотрела на Гарри и снова начала хихикать.

— Ты невозможен, Гарри, — сказала она, заливаясь более бурным хихиканьем, прежде чем захрипеть. — В письме Малфой предлагает Библиотеку Блэков, потому что Драко — Наследник Блэк, а ты появляешься с Кольцом Наследника и всем остальным. Ты понимаешь, что это значит?

После того, как она спросила об этом, настала очередь Лебеда рассмеяться, но его смех был скорее зловещим, чем довольным. "Парень, пожалуйста, скажи мне, что ты получил это Кольцо до сегодняшнего дня?"

— Эээ, вчера получил.

В этот момент у Лебеда хищно заблестели глаза, и он злобно уставился на письмо. Когда он достиг дна, он снова начал смеяться.

— Наследник Блэк, — сказал мужчина, совладав с собой, — письма Малфоя всегда датированы. Он пытался предложить мне контракт на помолвку, основанный на том, что Драко был

наследником Блэка с сегодняшнего утра. Потому что у вас есть поддающиеся проверке доказательства того, что Драко не был наследником Блэка, когда "Люциус написал это письмо. Я могу по закону заявить, что он пытался меня одурачить. Лучше всего то, что мне не нужно раскрывать вашу личность. Мне нужно только представить доказательства того, что Гринготтс передал Кольцо черного наследника до того, как это письмо было написано, и потребовать, чтобы Драко предъявил его в суде, чтобы доказать свои претензии».

Гарри начал ухмыляться при этой мысли, думая о ненависти на лице мужчины на чемпионате мира или после того, как он освободил Добби. Затем он начал думать о том, что Драко знал о том, что Дорогой Папочка облажался, когда пытался подставить подножку другой семье Визенгамота, и тоже начал смеяться.

Когда все они выздоровели, Дафна сияла от облегчения, и Лебедь не слишком отставал.

— Однако для доступа к Черной библиотеке у меня есть два условия, — через некоторое время сказал Гарри. Дафна выглядела потрясенной, но не встревоженной, думая, что Гарри сделал бы это исключительно назло Малфой — честно говоря, при нормальных обстоятельствах он бы так и сделал. Лебедь выглядел смиренным и пожал плечами.

«Хорошо. Имейте в виду, наследник Поттер, вы не сможете просить такую же высокую цену, как Малфой, потому что я все еще могу потребовать доступ к его библиотеке в обмен на то, что не выставлю олицетворение его сына как наследника Блэка без вас, потому что я еще не принесли клятву».

— Все в порядке, — без колебаний сказал Гарри. «Если бы вы никогда не могли принимать какие-либо контракты от имени Дафны или Астории без их добровольного согласия, я был бы очень признателен».

«Моя семья не принимает брачные контракты при нормальных обстоятельствах, Наследник Блэк», — сказал Лебедь с задумчивым выражением в глазах. «Жест приветствуется в любом случае. Каковы же ваши условия?»

«И Дафна, и я хотим возглавить Серых в будущем. Мы хотим возглавить фракцию, которая отстаивает себя, а не играет в создателей королей. Я хочу, чтобы вы выступали за то, чтобы быть лидером Серых, вместо того, чтобы пытаться заключать сделки, чтобы получить больше знаний.», — четко произнес Гарри, схватив свой кинжал, чтобы попытаться украсть у него хоть немного уверенности. Он заметил, что краем глаза Дафна выглядела очень довольной и столь же удивленной.

— Я бы и так начал это делать, если бы не вовлек вас и мою дочь в свои ряды, — задумчиво сказал Лебедь, — но вы до сих пор производили на меня впечатление для своего возраста. советники за кулисами не должны влиять на меня негативно. Но вы должны понимать, что открыто полагаться на вас вызовет конфликт со стороны Дамблдора против вас, Наследник Блэк. Это также создаст впечатление, что я собираюсь уступить свое место Дафне, что ослабляет наши позиции».

Гарри был доволен, что Лебедь быстро усвоил, что он был с Серым, а не со Светом на стороне Дамблдора. Большинство людей предположило бы, даже после всех фактов, что Гарри все еще был учеником Дамблдора.

«Отец, есть способ убедиться, что я смогу получить место в семье, и в то же время убедиться, что вы не потеряете никакого политического влияния», — медленно сказала Дафна после минутного молчания. Она посмотрела на Гарри с легкой улыбкой, подбадривая его. «Я думаю, вы можете догадаться об этом из наших уроков истории Визенгамота, наследник Блэк».

Гарри сосредоточенно нахмурился, отметив, что Сигнус с явным удовольствием наблюдал за общением, без сомнения зная, что будущее политическое положение и образование Гарри будут в значительной степени зависеть от учений его дочери. Через некоторое время выражение лица Гарри прояснилось, и он с изумлением посмотрел на Дафну.

— Ты думаешь... — он замолчал.

— Не понимаю, почему бы и нет, — она изящно пожала плечами.

"Хочешь сказать мне?" Сказал Лебедь, приподняв бровь, прервав безмолвный разговор между двумя юношами.

— Мы делаем тебя главным магом, — сказал Гарри, удивив мужчину. Он даже не думал об этом, а если говорить о амбициях, то это было довольно изрядно. «Если ты получишь место Главного Мага Визенгамота, ты не сможешь занимать место Гринграсс, но поскольку оно передается по наследству, оно должно иметь право голоса. Итак, Дафна занимает твое место. Ты остаешься Лордом, но она держит прокси».

Лебедь посмотрел на обоих подростков и увидел, как Дафна довольна выводом Гарри, а на последнего произвели впечатление мысли первого. Он внутренне думал, что то, как Дафна смотрела на молодого человека, заставило его воздержаться от того, чтобы оставить их в одной комнате без присмотра.

«Это может сработать», — признал он, наслаждаясь лучами на обоих молодых лицах. «Но для этого нам нужно выгнать Дамблдора. Это требует серьезных политических тренировок против этого человека, и он проводит почти десять месяцев взаперти в Хогвартсе с детьми всего Визенгамота. Двигаться против него сложно просто потому, что школа так далеко от остального волшебного мира».

«Мы можем создать против него напряженность с Наследниками», — решительно кивнула Дафна.

— Я пока не могу этого сделать, — возразил Гарри. «Этот мужчина — мой волшебный защитник, который может создавать всевозможные проблемы».

«Фракция Серых может двигаться против него медленно. Он просто не видит, как ты двигаешься вместе с нами», — пожала плечами Дафна. «Это может на самом деле отводить от вас немного тепла».

Гарри кивнул, но нерешительно. Дамблдор был умным человеком, и он чувствовал, что единственное, на чем директор сосредоточился, был он сам. Либо Дамблдор заметит его движение против него, либо Гарри придется действовать как приманка. Ни один из вариантов не был очень приемлемым.

— Нам нужно придумать способ общения, — сказал Гарри.

«Я могу очаровать вас парой блокнотов, чтобы вести личную переписку, но это требует много времени и усилий», — сказал Лебедь, делая пометку. «Это займет почти месяц; я не верю, что обычный продавец не будет вести отдельные записи разговоров для продажи секретов».

«Тогда в течение первого месяца, когда произойдет что-то важное и нам нужно будет поговорить, мы должны будем найти способ», — заключила Дафна, глядя на Гарри.

«Очень хорошо, с этим договорившись, давайте перейдем к вашему второму пункту», — твердо заявил Лебедь, жестом показывая Гарри, чтобы он продолжал.

— Вообще-то, отец, — перебила Дафна. «Я думаю, что вам лучше сообщить маме новости о письме. Раньше она казалась очень обезумевшей».

Лебедь внутренне уступил, но долго колебался. Не потому, что это было недействительно — он должен был подумать об Элеоноре сразу же после того, как выяснилось, что Гарри Поттер — наследник Блэка, — а потому, что он узнал выражение лица Дафны. Он видел это на своей жене бесчисленное количество раз за время их отношений, и это заставило его неохотно выходить из комнаты.

Потом мысленно вздохнул. 'Баггер, этот человек действительно этого заслуживает. И лучше здесь, чем в Хогвартсе, где домовые эльфы не смогут их остановить, если дело пойдет слишком далеко', — подумал он, прежде чем проворчать себе под нос. — А мальчик даже ничего не подозревает, Мерлин.

Он вышел из комнаты без дальнейших комментариев и деликатно закрыл дверь. Гарри повернулся к Дафне и прокомментировал письмо, когда остановился.

Он растерялся на пару секунд. Затем еще на секунду. Он чувствовал руку Дафны на своей щеке.

Гарри моргнул.

Дафна целовала его. Дафна целовала его .

Мерлин , она могла поцеловаться. Гарри понял, что не отвечает, и начал медленно отвечать на поцелуи. Она схватила его за пальто и притянула ближе, так что это казалось хорошей идеей. Гарри чувствовал себя удивительно легко, а вкус Дафны был восхитителен. Не было никакого языка, но ее губы были такими мягкими и массировали его с такой нежностью, что он медленно затмевал весь остальной мир. Он ласкал ее шею и слышал, как ее дыхание немного углубилось.

Затем она отстранилась и посмотрела на него ярко сияющими голубыми глазами и сияющей улыбкой, хотя она не избежала поцелуя без собственного ошеломленного выражения. Ей пришлось вернуться в реальность, прежде чем ухмыльнуться тому, как ошеломлен выглядел Гарри. Когда мальчик, наконец, вернулся в реальный мир и начал говорить, она пальцем заставила его замолчать.

— Не разговаривай, Гарри. Ты потрясающе целуешься, но это ничего между нами не меняет, — грустно сказала она. «Мы даже не можем увидеть друг друга в Хогвартсе без сигналов тревоги или обвинений в зельях. Это была благодарность отцу за то, что он помог отцу спасти Асторию от ее болезни, и спасибо за то, что спас меня от жизни, проведенной в нищете. с Драко. Тебе не нужно было противостоять моему отцу в его собственном доме и подвергать себя возмездии, но ты это сделал. Я всегда буду ценить это. И прежде чем ты начнешь жаловаться на то, как ты сделал это ради нашей дружбы, и ты компенсация не нужна, я вам так скажу.

«Эта компенсация была полностью эгоистичной с моей стороны. Меня очень привлекает то, кто ты есть, и еще больше то, кем ты станешь. Поттер, знай это», — сказала она, прежде чем наклониться вперед и пристально посмотреть на него. Ее глаза значительно потемнели, а выражение ее лица стало хриплым и горячим, отчего у него перехватило дыхание. «Когда наша ассоциация может быть обнародована, я буду охотиться на вас ».

Она закончила фразу, резко прикусив его нижнюю губу и прошептав: «А Дафна Гринграсс никогда не промахивается».

Она повернулась в своем кресле чопорно и правильно, как раз вовремя, чтобы вошел Лебедь. Гарри попытался взять себя в руки, но когда лорд Гринграсс посмотрел на дочь с явным смирением, он не смог сдержать румянец. Вместо ожидаемого выговора мужчина лишь глубоко вздохнул и опустил на стул. Тем не менее, он взял фляжку огневиски и наполнил свою чашку, так что с его стороны не было полной капитуляции.

«Хорошо, Наследник Блэк. Каково ваше второе условие?»

Гарри глубоко вздохнул, посоветовался с самим собой, чтобы убедиться, что это правильный шаг, прежде чем рассеянно кивнуть.

«Я хочу, чтобы вы устроили Сириусу Блэку справедливый суд».

<http://tl.rulate.ru/book/62719/1802651>